

ПОЗНАНИЕ ЯПОНИИ ЧЕРЕЗ БУКАЦУ

М.Кириченко

Внедрение

Слово *букацу* знакомо, пожалуй, любому японцу, но истинного его значения я не нашла ни в русско-японском словаре, ни в толковом словаре японского языка. Оно гораздо объемнее буквального русского ^эквивалента — «клубная деятельность» и обозначает еще закрытые молодежные организации клубного типа.

Букацу принадлежит достаточно важная роль в жизни японских университетов. Подавляющее большинство студентов сразу после зачисления вступают в какую-либо спортивную секцию и становятся членами соответствующего клуба. Там-то и разворачивается деятельность, в ходе которой они вживаются в особую среду, вносящую весомую лепту в придание японскому обществу неповторимого колорита.

В 1994 г. я проходила десятимесячную стажировку в университете Токай, куда выезжала в составе группы студентов Института стран Азии и Африки при МГУ.

Российским студентам в Японии не всегда хватает, пусть и приличного, по нашим понятиям, содержания, предоставляемого японской стороной. Поэтому кое-кто из них стремится в свободное от занятий время подработать. Но я решила пожертвовать возможностью улучшить материальное положение и познать Японию, участвуя в какой-либо из упомянутых организаций.

Еще когда я только начала изучать японский язык, мне довелось слышать о таком виде восточных единоборств, как борьба *айкидо*, в которой сила нападающего противника таинственным образом используется против него самого. Один из клубов университета Токай объединял энтузиастов этой борьбы, и вот с подружкой Мариной мы отправились туда и поинтересовались, можно ли нам, иностранным студенткам, заниматься *айкидо*.

Правда, студенты-иностранцы заранее предупредили нас, что попытка эта бесполезна: не так давно студентку из Германии не приняли даже в клуб «большого» тенниса (мол, в подобные заведения допускаются только японцы).

Кроме того, наша группа приехала в Японию в октябре, т.е. в середине учебного года, и «новички» клуба *айкидо* за прошедшие полгода уже успели кое-что освоить.

Поэтому мы были готовы к отказу, но все-таки понадеялись на везенье, на русское «авось», и нам неожиданно повезло. Правда, вначале не особенно крупно.

Самое главное — руководство клуба не дало нам от ворот поворот. Видимо, мы не показались им вражескими лазутчиками, пытающимися всеми правдами и неправдами пробраться в закрытое заведение. Но смотрели на нас

удивленными глазами, как на инопланетянок, и наверняка спрашивали про себя: «С чего это русским чудачкам взбрело в голову взяться за восточные единоборства?» Как бы то ни было, нас вознамерились отвести от клуба не грубым отказом, а другим путем.

Вначале его руководители попросили нас обождать вердикта «вышестоящих инстанций». А пока посоветовали сходить на показательные выступления японских спортсменов по *айкидо*, которые проводились в это время по случаю юбилея университета. Расчет был на то, чтобы сбить с нас спесь, разочаровать и побудить к отказу от проникновения в клуб.

В общем-то этот расчет в какой-то степени оправдался, ибо после визуального знакомства с *айкидо* у нас действительно возникли сомнения. Честно говоря, я даже не смогла составить какого-то мнения об этом своеобразном воинском искусстве, не знаящем ни резких движений, ни изобилия ударов. Остались для меня непонятными и способы использования выступавшими силы своих противников.

Зато большое впечатление произвело наличие среди участников соревнований внушительного числа обладателей черных поясов, свидетельствовавших о высоком классе спортсменов, которые имели воинственный вид и демонстрировали публике каскады невероятных бросков.

Так или иначе, от нашей цели мы не отказались. Озадаченные настырностью двух россиянок японцы тем не менее в течение двух недель после показательных выступлений ежедневно расхолаживали нас неутешительными ответами на наши просьбы о приеме в клуб. Мы же изображали из себя непопыхливых, извинялись за беспокойство и обещали снова зайти на следующий день.

В конце концов они вроде бы сдались. Нам было сказано: «Так и быть, мы принимаем вас в клуб с месячным испытательным сроком».

Надежды руководителей клуба на то, что мы дрогнем, спасуем перед трудностями, не оправдались. Конечно, было очень тяжело, но мы не могли ударить в грязь лицом. Три раза в неделю посещали специальные тренировки по единоборству и два раза — тренировки по общефизическому развитию.

Видя наше отношение к делу, японцы смирились, и мы стали полноправными членами *букацу*, с пребыванием в котором, как впоследствии оказалось, были связаны мои лучшие дни в Японии, а может быть, и во всей жизни.

Дом родной

Каждый клуб в университете Токай имеет свою резиденцию, штаб-квартиру, которая называется *бусицу*. Ключи от нее имеются у всех членов клуба, и они в любое время могут зайти туда по делу или без дела, просто чтобы убить время или поболтать с друзьями. Обстановка в *бусицу* очень своеобразная. В ней практически нет никакой мебели, кроме скамеек и шкафов.

На стенах висят фотографии выпускников клуба за тридцать лет, со дня его образования, и большая фотография создателя *айкидо сэнсэя* Морихэя Уэсибы. Висят и заветы великого Учителя, исполненные старой каллиграфией. Как правило, их никто не читает, содержание известно членам лишь приблизительно.

В *бусицу* хранятся и списки занимающихся в клубе, а также занимавшихся в нем когда-то. Обычно там указываются фамилия, имя, дата рождения, группа крови, факультет и адрес. С нашим приходом в списках впервые появились записи на русском языке.

Оканчивающие университет считаются и выпускниками клуба. С ними поддерживается связь. Выпускники присылают в адрес *букацу* поздравительные открытки и в свою очередь получают приглашения принять участие в тренировках.

Выпускников называют «*OB*» («*old Boy*»), а выпускниц — «*OG*» («*old girl*»). Те и другие навсегда остаются своими в клубе. В любой момент они имеют право прийти на тренировку, им будут оказаны наибольшие почести, все будут очень рады повидаться с ними.

Где бы ты ни был, можешь быть всегда уверен, что клуб тебя не забывает. Там тебя почитают и ждут в гости. Наверное, каждому хочется иметь такую обитель, куда всегда можно явиться как на праздник.

Раз в год, в день основания университета Токай, устраиваются *энбукай* — показательные выступления. На них, не жалея чувствительных расходов на дорогу и гостиницу, со всех концов Японии съезжаются, чтобы пообщаться, «*OB*» и «*OG*». Очень часто они приезжают с семьями, с женами, мужьями и детьми. Приезжают, по-видимому, потому, что проведенные в *букацу* годы оставили неизгладимый след в их сердцах.

В клубе царит строгая иерархия и неуклонно выполняются сложившиеся годами правила. Против них никто не выступает, хотя они не всем по душе. Все первокурсники, принятые в *букацу*, становятся *кохаями* (младшими). Студенты с более длительным стажем пребывания в университете, а значит и в клубе, являются для них *сэмпаями* (старшими). Студенты последнего курса — *сэмпаи* по отношению ко всем остальным. Каждый день на большой перемене *кохаи* собираются на несколько минут в *бусицу* обменяться новостями, получить от *сэмпаяв* те или иные указания. В пользу такого обычая говорит тот факт, что в клубе никогда не бывает «неувязок» или «проколов». Все идет четко и запланированно, все члены находятся в курсе дел, и клуб функционирует как хорошо смазанный механизм.

В *букацу* тренируются студенты всех курсов, юноши и девушки. При мне главным тренером был *сэнсэй* Арикава, которого все почтительно называли *сихан-сэнсэй*. Отвечал за деятельность клуба преподаватель. Вся же организационная работа велась самими студентами, причем за каждым был закреплен какой-то участок. Непосредственно руководит работой *сюсэ* — один из четверокурсников.

Новобранцы

Очень интересно проходит прием в клубы новичков.

Учебный год в Японии начинается 1 апреля, и сразу же для клубов наступают «горячие денечки». Каждому необходимо набрать как можно больше первокурсников. Для того, во-первых, чтобы повысить рейтинг и, во-вторых, чтобы было кому подчиняться *сэмпаям*, выполнять самую тяжелую работу, а затем сформировать новое поколение *сэмпаяв*.

Вдоль аллей на территории университета устанавливаются столы, на которых разложены фотографии. По ним заинтересовавшимся первокурсникам рассказывают о деятельности клуба. Кампания продолжается чуть больше двух недель. Зазывать новичков выходят все члены клуба. Ходили и мы. Основная задача — раздать рекламные проспекты первокурсникам, которые выходят со своих первых собраний в университете растерянными, ошарашенными новой обстановкой. Они стремятся как можно скорее обзавестись друзьями и, будучи оторванными от семейного очага (при поступлении в универси-

теты подавляющее большинство японских студентов снимают себе жилище), ищут в клубе второй дом, опору.

Чтобы заманить первокурсников именно в свой клуб (*ути-но курабу*), его расписывают в чрезмерно ярких красках, умалчивая о господстве *сэмпаев* над *кохаями* и о подчас непосильных физических нагрузках. На время при посторонних меняются и отношения между *сэмпаями* и *кохаями*. Реже звучат смиренно-вежливые обороты речи. Уменьшается количество поклонов, которые надо отвечать *сэмпаям*.

Для новичков устраивают показательные выступления с демонстрацией приемов *айкидо*, им показывают рекламные видеозаписи, желающие получают ответы на вопросы. Каждому оказывают повышенное внимание, терпеливо объясняют все, что его интересует. В заключение перед собравшимися выступает кто-нибудь из четверокурсников. Речь его, как правило, сводится к предупреждению о том, что *букацу* — это не просто тренировки по *айкидо*, но и большая ответственность. Что, поступая в клуб, новичок становится его частью, его принадлежностью.

В первые несколько недель к первокурсникам не придираются, не поправляют на каждом шагу, не обращают внимания на их нечаянную грубость и недостаточную вежливость. Им лишь могут сказать: «Смотрите на второкурсников и старайтесь им подражать». А этим последним приходится временно подменять новичков на самых тяжелых работах и крайне осмотнительно вести себя с ними: не отпугивать и не допускать, чтобы их действия шли вразрез с клубным уставом.

Но вот проходят первые недели, и сверху поступает приказ: «Пора!» Отношение к *кохаям* сразу и резко меняется. «Ухаживания» уступают место суровым требованиям. Теперь они полноправные члены клуба, а второкурсники им уже не друзья, а *сэмпаи*, наставники. Некоторые не выдерживают столь крутого поворота и бросают *букацу*. Их обычно не уговаривают и не удерживают. Не отвечаешь требованиям — ты не настоящий японец, катись своей дорогой.

Закаляйся!

Зимой в *букацу* проводятся тренировки, именующиеся *кангэйко* — «тренировки в холоде». Их цель — закаливание духа и тела, и отличаются они от обычных тренировок лишь интенсивностью нагрузок, да еще бывает трудно заставить себя пойти на них, ибо чаще всего они начинаются затемно, в пять часов утра, в самое холодное для Японии время суток.

Кангэйко продолжаются три дня подряд. Перед упражнениями совершается пробежка по окрестностям университета, причем иногда босиком. Один раз мы прибежали к местному синтоистскому храму и, следуя традиции, в полном молчании хлопнули два раза в ладоши, загадав свои желания.

Нам, россиянка**, «тренировки в холоде» не показались такими уж холодными, но японцы иной раз поеживались, приговаривая: «Ух, какая стужа!» Мы тогда, шутя, предлагали провести *кангэйко* в России. Японцы, смеясь, отвечали, что в принципе не против, но очень уж далеко надо ехать.

Кангэйко организуются в начале января. В Японии в эти дни продолжают новогодние празднества. Поэтому после окончания заключительной тренировки устраивается *моти цуки тайкай* — «праздник изготовления рисовых лепешек». Все самостоятельно взбивают рисовое тесто в ступе, сами лепят и обваливают лепешки, а потом едят и пьют *сакэ*.

Когда нас с Мариной впервые пригласили на *тайкай*, *сюсё* сказал, что лишь с сегодняшнего дня считает нас настоящими первокурсницами. Видно, наше участие в *кангэйко* тронуло японцев. А мы сами были очень горды тем, что выдержали испытание.

В этот же день нас познакомил еще с одним способом «закаливания»: *кохаев* заставляли есть *васаби* — японскую горчицу. Правда, и многие *сэмпаи* старались у всех на глазах, не морщась, разжевать и проглотить *васаби*, демонстрируя силу воли и выдержку *кохаям*, которые еще не привыкли к подобному лакомству.

Кстати, на *тайкаях* нередко устраивают забавную игру. Приготавливают, к примеру, десять *моти* и в одну из них густо накладывают *васаби*. Затем десять человек должны выстроиться в ряд, разобрать лепешки и съесть их, сохраняя безучастный вид. Зрители же должны определить, кому попала лепешка с *васаби*.

Кто-то угадывает, а кто-то ошибается, но заканчивается все тем, что и выигравших, и проигравших заставляют пить *сакэ*. Таким образом, главное не выиграть, а участвовать. А в том, что тебя напоят *сакэ*, можно не сомневаться. Примерно к 12 часам дня эта «вечеринка» заканчивается, и после уборки помещения все расползаются по домам. Самые неудачливые отсыпаются в зале.

Конечно, нам показались странными такие бурные возлияния с утра пораньше. Позже мы сообщили *сэмпаям*, что в России не принято пить спиртные напитки так рано. Они нисколько этому не удивились и сказали, что в Японии тоже с утра не пьют. Но почему бы не попробовать? На это мы не нашли, что ответить.

Номикай

Между тем нам было суждено удостовериться в насыщенности клубной жизни различными поводами для выпивки.

Так, члены клуба периодически собираются на банкет с символическим названием *номикай* (букв. «питейное собрание»). Он состоит из трех отделений.

Первое является официальным, и на нем обязательно присутствует *сихансэнсэй*. Он занимает отдельный стол. По левую руку от него сидит *сюсё*, а по правую — второкурсник, который прислуживает *сэнсёю* (*сэнсэйдзуки*).

Поскольку *номикай* чаще всего приурочивается к какому-нибудь событию, например к представлению Учителю вновь набранных в клуб первокурсников, то вначале зачитывается официальная речь. После этого всем наливают пиво, произносится первый тост, все хором восклицают: «*Кампай!*» и залпом выпивают. За первым тостом следуют второй, третий и т.д.

Затем первокурсники накладывают яства в тарелки *сэмпаев* и различными способами развлекают их. Порой это делается так. *Кохай* кладет стакан в карман своего пиджака (этому вызывающему смех всех присутствующих поступку я так и не нашла объяснения) и, прихватив бутылку пива, подбегает к *сэмпаю*, с которым хочет пообщаться, представляется и предлагает вместе выпить. Утолив жажду, они начинают беседовать. Когда *сэмпаю* беседа наскучит, он ее прерывает, и *кохай* бежит к другому *сэмпаю*. *Кохай* должны следить, чтобы бокалы у *сэмпаев* всегда были полны и чтобы никто из них подолгу не заживался в одиночестве.

А вот и еще один способ поразвлечься: все наливают бокалы пива до краев и по команде начинают пить наперегонки. Выпивший до дна ставит пус-

той бокал на голову. Допивший же пиво последним объявляется проигравшим, и его ждет наказание: стремительно выпить целую бутылку пива под дружное подбадривание окружающих. Вполне естественно, что после нескольких часов такого веселья многим трудно удержаться на ногах. Но это совсем не значит, что они буйствуют и безобразничают — никто не выходит за рамки приличий.

Первое отделение *номика* завершается тем, что все встают в круг, берутся за руки и провозглашают: «Да здравствует университет Токай! Да здравствует *айкидо*!» После чего исполняется университетский гимн.

Второе отделение *номика* проводится в каком-либо ресторанчике. *Сихан-сэнсэй* на нем уже не присутствует, а в остальном оно не отличается от первого.

Третье отделение посвящается исполнению песен под *караокэ*. До танцев дело доходит редко. Сухой же закон и на сей раз, конечно, не соблюдается.

Обычная продолжительность *номика* — с пяти вечера до часа ночи.

Самый трогательный *номикай* из всех, которые я видела и в которых участвовала, — это выпускной вечер четверокурсников, церемония, в ходе которой молодежь не могла сдержать эмоций. Безмятежным осталось лишь лицо *сихан-сэнсэя*. Он, как всегда, окидывал всех своим полным достоинства взглядом. Однако, слушая его напутственную речь выпускникам, чувствовалось, что ему далеко не безразлична будущая жизнь подопечных, упорхающих из-под его крыла. Да и тот факт, что такой занятой и почитаемый человек специально подготовил длинную речь, говорит о многом.

Каждому четверокурснику, которые впервые пришли на банкет не в спортивной форме, а в строгих костюмах, было предоставлено прощальное слово. Содержание их выступлений в основном сводилось к следующему: «Спасибо всем, что пришли проводить нас. Спасибо *сихан-сэнсэю* за то, чему он нас научил. Не забывайте нас. Продолжайте наше дело».

Ну а в промежутках между выступлениями пиво опять-таки лилось рекой, и к любимым *сэнпаям* подбегали их *кохац* чтобы поговорить в последний раз в стенах клуба.

Когда я только пришла в *букацу*, то думала, что занятия *айкидо* исключают употребление алкоголя. Поэтому картина взаимного спаивания *сэнпаев* и *кохаев* меня попросту шокировала. Впоследствии я узнала, что каждое новое поколение студентов мечтает отменить обычай, обязывающий пить всех. Однако ничего не происходит. Почему же? Ответ на этот вопрос я получила, когда перед нами выступал преподаватель университета Токай, бывший ответственным за наш клуб.

Скорее всерьез, чем в шутку, он сказал: «Годы, проведенные вами в университете, — это годы привыкания к спиртному. Вас будут спаивать начальники и шефы в фирмах, куда вы пойдете работать, вступив во взрослую жизнь. Вы должны познать вкус алкоголя, привыкнуть к нему, научиться заставлять себя пить и тогда, когда не хочешь или не можешь. А также не терять голову и пристойный вид, даже утратив способность мыслить и координировать движения. Вы должны научиться пить, правильно пить, ибо в будущем будет много ситуаций, когда отказ от предложения выпить будет считаться дурным тоном: А посему пейте и спаивайте друг друга, пока есть время этому учиться».

Да, никогда не знаешь, чем удивит тебя японское общество. Ведь страшно даже подумать, что бы произошло, если бы подобное произнес кто-либо из руководителей любого российского вуза.

Японские спартанцы

Два раза в год, в марте и в конце августа, *букацу* проводит мероприятие под названием *гассюку* (букв. «совместное проживание»). Все члены клуба отправляются на неделю в глухие районы Японии, чтобы тренироваться и самовоспитываться в спартанских условиях.

Летом выезжают в более прохладные районы, в горы, например в префектуру Ниигата. В марте — на юг страны. Мы, например, ездили на остров Осима, самый крупный из группы островов Идзу.

После шумного Токио дикая по японским меркам природа, близость Тихого океана как нельзя лучше способствовали концентрации сил души и постижению сути *айкидо*.

Разместились мы в маленькой гостинице японского типа почти на самом побережье. Жили, вернее ютились, по шести человек в комнате. Отрыв от внешнего мира был полным. Нельзя было позвонить по телефону, писать письма. Пришлось забыть про косметику и украшения, смириться с обязательной формой одежды — спортивным костюмом.

Поражала зарегулированность трапез. Скажем, подходит время обеда. Первокурсники накрывают установленные в два ряда столы под неусыпным надзором второкурсников, объясняющих, что и как надо делать. Примерно за пять минут до начала обеда следует команда: «Все по местам!» Второкурсники рассаживаются друг против друга, а первокурсники — в один ряд. Места напротив каждого из них займут *сэмпай*, в ожидании их все принимают медитационную позу (*сэйдза*). Воцаряется тишина. Остается три минуты, и в помещение входят сашшы-третьекурсники. Все они имеют черные пояса. Присутствующие почтительно склоняют головы и громко произносят: «*Коннити-ва, сицурэй симас*» (нечто вроде «Здравия желаю!»). Число здравиц равно числу *сэмпаев*.

Четверокурсники приходят точно к началу приема пищи (правда, если ожидается участие в обеде *сихан-сэнсэя*, они слегка опережают его).

Но вот все в сборе, и четверокурсники разрешают несколько расслабиться и приступить к еде. Разрешение, однако же, не относится к первокурсникам, которые сначала должны обслужить сидящих напротив них *сэмпаев*, предложить им соус, приправы и т.п. Наконец, убаженный *сэмпай* позволяет *кохаю* заморить червячка. Я поинтересовалась, а может ли *сэмпай* не позволить этого сделать. Мне ответили, что в старину такие случаи бывали, но не сейчас.

Время обеда ограничено, он проходит в полном молчании. Только изредка перекидываются короткими репликами *сэмпай*. А первокурсники обязаны следить, чтобы у *сэмпаев* была полная тарелка, и при необходимости принести им добавку.

День начинался рано. В пять часов утра происходило построение. Потом пробежка по побережью и разминка. Каждый день мы бегали по разным маршрутам, чтобы получше познакомиться с природой острова. После завтрака и обеда проводились общие тренировки по *айкидо*, а после ужина — индивидуальные тренировки для подготовки к аттестации. По сравнению с обычными тренировками они отличались особой интенсивностью.

Каждый вечер во время *гассюку* проводились собрания. На них обсуждались организационные вопросы, подготовка к каким-либо мероприятиям, неожиданно возникшие проблемы. На первом собрании первокурсники и второкурсники должны были выйти по одному перед всеми и проорать, именно проорать, свое имя, а также объявить задачи, которые стоящий перед строем намеревается решить с помощью *гассюку*. Два собрания посвятили вопросам,

связанным с проведением *гэйтикана* — концерта самодеятельности первокурсников и второкурсников. В один из вечеров *сихан-сэнсэй* рассказывал об истории и духе *айкидо*.

Арикава-сэнсэй

В каждом японском спортивном клубе есть *сэнсэй*, на которого надо равняться, который являет собой образец беззаветного служения делу, в данном случае — *айкидо*. *Сихан-сэнсэем* нашего клуба был Арикава, ученик Морихэя Уэсибы, получивший известность благодаря тому, что в свое время стал самым молодым преподавателем *айкидо*. Он открыл свой тренировочный зал, когда ему едва исполнилось двадцать лет, а такое может только человек, у которого минимум четвертый дан.

Сэнсэй Арикава преподает *айкидо* не только в университете Токай, но и еще в семи университетах Токио и окрестных префектур. Трудно представить, насколько он занятой человек. Ведь помимо занятий в университетах, на одну дорогу в которые тратится много времени, он ведет тренировки и в *Хомбу додзё* (Всемирном центре *айкидо*) и является там одним из самых строгих и почитаемых учителей.

Раз в неделю он приезжал в наш университет и устраивал тренировку *сихан-гэйко* (мастер-класс). Объяснял, как проводить приемы, как разминаться, садиться, вставать и т.д. На тренировку *сихан-сэнсэя* нельзя было приходиться в пластырях и бинтах, чтобы не волновать его.

Правила поведения в присутствии *сихан-сэнсэя* свято соблюдались. Нельзя было переходить или перебежать ему дорогу, нельзя было идти рядом с ним, а только в нескольких шагах позади. Если *сэнсэй* решал объяснить что-либо кому-нибудь лично, все остальные прерывали отработку приема, садились и слушали. После тренировки бежали переодеваться в университетскую форму, похожую на нашу школьную, и выстраивались на крыльце для проводов *сэнсэя*. При его появлении все склоняли головы и благодарили за науку. Затем *сэнсэя* усаживали в машину и увозили. Машину вел кто-либо из четверокурсников, а еще двое четверокурсников сопровождали *сэнсэя* и, чтобы ему не было скучно в дороге, беседовали с ним. Путь их лежал в город Хирацука, расположенный в тридцати километрах от университета Токай, где *сэнсэй* садился в поезд и уезжал в Токио.

Сихан-сэнсэй — очень образованный человек. Наверное, нет ничего такого, о чем бы он не имел представления. Мировая история и литература, боевые искусства, культура Японии, анатомия, биология и метафизика — обо всем этом и о многом другом *сихан-сэнсэй* может много и увлекательно говорить. Излюбленная тема его бесед — *сумо*. Он также интересуется политикой и всегда в курсе всех событий.

Постоянное общение со студентами поддерживает в *сихан-сэнсэе* молодой дух и интерес к проблемам молодого поколения. Он «болеет» за своих подопечных, просит, чтобы рассказывали о каждом члене клуба, о деталях клубной жизни, дает советы.

Говорят, в молодости Арикава-сэнсэй хотел стать *ниндзей*. Он занимался самоподготовкой, различными боевыми искусствами, но главным образом — *айкидо*. Не знаю, стал ли *сихан-сэнсэй* *ниндзей* и похож ли на них, поскольку я их никогда не видела, но то, что он обладает некоей неведомой силой, этому я была свидетельницей. На моих глазах *сэнсэй* плавным движением отталкивал противника любого веса и роста на несколько метров. Те, кому приходилось касаться во время тренировок его рук, утверждают, что крепко ухва-

титься за них невозможно. Ощущение такое, как при попытке соединить одноименные полюса двух магнитов.

Сихан-сэнсэй знает смертельные приемы и контрприемы против каждого приема. Он отличный знаток человеческого тела, расположения мышц, связок, болевых точек и точек, несущих смерть. Редко-редко он демонстрирует какой-нибудь прием, от которого, когда ставишь себя на место его противника, мурашки по телу пробегают. Воистину, *сихан-сэнсэй* непобедим.

Как мне стало известно, *сихан-сэнсэй* был именно тем, кто разрешил принять нас, иностранных студентов, в *букаицу*. Надо сказать, он не особенно чтит иностранцев, считая, что им недостает должного уважения к старшим. Поэтому никто не мог предугадать реакцию *сихан-сэнсэя* на нашу заявку. Все зависело от того, насколько деликатно и умело подготовит его к этому *сюсё*. Но в конце концов Учитель пошел на риск.

И еще об одном... Выпускной вечер обычно проводится в марте. Но так как мы выбились из общего графика, потому что возвращались на родину в конце июля, для нас специально, в порядке исключения, устроили выпускной вечер за месяц до отъезда. Все прошло по правилам: мы произнесли тщательно подготовленные речи, в которых высоко оценили деятельность клуба, расхвалили *айкидо*, а также выразили всем благодарность за заботу, которой были окружены. Нам тоже адресовали много теплых слов и пожеланий, а сам *сихан-сэнсэй* вручил красивые цветы и подарки и, что самое главное, произнес речь, подготовленную специально для нас двоих, чему мы были рады больше всего. Мне даже удалось лично поговорить с ним, и я была приятно удивлена, когда он сказал, что знает тему моих курсовых работ (исследование творчества средневекового японского драматурга Тикамацу Мондзаэмона). В заключение он пожелал мне успехов в *айкидо* и в изучении японской литературы.

Увлечение на всю жизнь

Нам с Мариной часто задавали вопрос: «Почему вы решили заниматься именно *айкидо*?» Мы обычно отвечали, что слышали об *айкидо* еще в России и что в отличие от *каратэ* и *дзюдо* оно еще не очень широко распространено в нашей стране. Кроме того, мы слышали, что в *айкидо* физическая сила не является главным компонентом, и это нас очень устраивало.

Я не буду подробно останавливаться на сущности *айкидо*. Есть вещи, о которых нельзя рассказать, которые нужно познать самому, не прибегая к услугам «посредника».

Как самостоятельный вид боевого искусства *айкидо* оформилось довольно поздно, только в первой половине XX в. Основателем его был упоминавшийся выше Морихэй Уэсиба, мастер практически по всем видам восточных воинских искусств. В начале теперь уже прошлого века нередко проводились состязания между представителями разных видов и стилей боевых искусств. Отстаивающие превосходство того или иного из них мастера могли использовать только те приемы, признания абсолютного совершенства которых они добивались. Если в таких соревнованиях участвовал Морихэй Уэсиба, то, согласно документам и свидетельствам очевидцев, победа неизменно оказывалась на его стороне. Ибо, встречаясь с техникой и философией *айкидо*, сила и ловкость противников оборачивалась против них же самих.

Возьмем, к примеру, удар. От него можно увернуться, можно поставить блок, можно принять его и нанести ответный. А можно вовремя отойти в сто-

рону и лишь слегка подтолкнуть противника в направлении, на котором сконцентрирована его сила. Это и будет прием *айкидо*.

Для успешного освоения *айкидо* надо знать законы сосредоточения сил, круговых движений, надо управлять своим дыханием и внутренней энергией, надо, чтобы приемы как бы шли из твоего нутра, чтобы они были отточены на уровне бессознательного.

Последнему на тренировках уделялось больше всего внимания. Сначала нужно было запомнить форму приема, потом отшлифовать каждую деталь, каждый шаг, каждый угол поворота, каждое движение руки, каждый разворот корпуса. Разные люди по-разному усваивают приемы, и даже у одного и того же человека их формы меняются до тех пор, пока он бессознательно не выберет наиболее приемлемую для себя. Да и сам прием вживается в тебя, приспособляется к тебе по-разному. Поэтому у разных людей и *айкидо* получается разное, и вообще-то невозможно сказать, кто подошел ближе к идеалу.

Поиск оптимальной формы приема — задача не из легких, и почти каждый проходит такой этап, когда кажется, что ты никогда не осилишь *айкидо*.

На тренировках изучают ограниченное число приемов, чтобы за четыре года они запомнились по-настоящему. Каждый прием отрабатывается подолгу, уделяется внимание любой мелочи. При этом речь идет только о базовых приемах, без которых нельзя правильно выполнять более сложные, состоящие из отдельных частей базовых.

Сихан-сэнсэй обычно объяснял несколько способов одного и того же приема, и затем все они отрабатывались. Между прочим, он находится в постоянном поиске наиболее приемлемых форм и даже за то небольшое время, что я была в клубе, изменил несколько приемов и дал нам команду переучиваться.

Регулярными тренировками руководит по большей части *сюсё*. Приемами овладевают в схватках носители белых и черных поясов. Первые в основном учатся, вторые объясняют, и те и другие совершенствуют мастерство. Кроме регулярных тренировок трижды в год организуются специальные *маваси гэйко*. Это суровое испытание для второкурсников. Их учат падать таким образом, чтобы минимизировать последствия совершенного противником броска (*тоби укэми*). Летний вариант *маваси гэйко* рассчитан всего на двадцать минут для девушек и на тридцать минут для юношей. Но при температуре более 30 градусов и при влажности 95%, когда и вдох-то вырастает в целую проблему, выдержать ее непросто. Зимний вариант более продолжителен (полтора часа для юношей и 45 минут для девушек) и крайне тяжел.

...Звучит удар барабана — сигнал к началу первой тренировки, — и *кохаи* выбирают себе сашшев-партнеров. Последние в быстром темпе совершают броски, так что минут через пять голова перестает отдавать команды телу и начинаешь действовать бессознательно. Именно такова сверхзадача *маваси гэйко* — чтобы тело, именно тело, само научилось принимать оборонительные позиции и правильно приземляться в любом состоянии.

В то время как *кохаи* по собственной воле подвергаются такой экзекуции, болельщики-первокурсники сидят вдоль стен зала и вопят: «*Файто!*» (от английского «Fight!» — «Сражайся!»). Это тоже занятие не из легких — в течение полутора часов во весь голос без перерыва горланить. И нередко наиболее усердные *кохаи* теряют сознание, не говоря уж о садящихся голосах.

Когда перестаешь толком дышать и понимать, что происходит, когда кровь приливает к голове, крики «*файто!*» будят рефлекс, приказывающий не останавливаться. После окончания *маваси гэйко* все тело еще долго бывает покрыто синяками, но все второкурсники страшно горды тем, что все-таки сдали экзамен на стойкость.

Для определения результатов занятий несколько раз в год проводятся аттестации (*синса*), и к третьему курсу все получают черные пояса, т.е. первый дан, а к четвертому — второй дан. Поначалу нам казалось странным, что все, независимо от способностей и мастерства, успешно проходят аттестацию, но чем дольше мы занимались, тем лучше понимали правильность такого порядка, реально воплощавшего идею борьбы не за рекорды, а за духовное и физическое здоровье *всех* студентов. Каждому дана возможность пройти путь от низов к верхам, что редко удается в последующей жизни. Даже если ты не очень преуспел в технике *айкидо*, придет время, и ты вместе со всеми получишь черный пояс. И тогда твои *кохаи* будут склоняться перед тобой в поклоне, когда ты заходишь в зал для тренировок. К тебе будут подбегать и просить помочь отработать прием, с тобой будут говорить, используя изысканные формы вежливости. После тренировки тебе будут складывать спортивный костюм и т.д.

Как это ни парадоксально выглядит в глазах западного наблюдателя, уравнительная аттестация не подавляет мотивацию членов клуба, а, напротив, мобилизует их волю, вдохновляет на новые и новые достижения. Уравниловка уравниловкой, но я не встретила ни одного хоть сколько-нибудь неумелого обладателя черного пояса. Ведь в *айкидо*, как и во всех других боевых искусствах, процесс совершенствования бесконечен. Чем дольше и с чем большей самоотдачей ты занимаешься, тем искуснее становится твоя техника, тем крепче твои мышцы и тем лучше твое тело приспособляется для приемов. Могучим стимулом является желание не опозориться перед *кохаями* — право властвовать надо чем-то подкреплять.

Я, разумеется, не могу претендовать на исчерпывающее знание японского общества, полученное в результате пребывания в *букацу*, но не сомневаюсь в том, что оно принесло мне огромную пользу.

Во-первых, удалось интегрироваться в студенческую среду, основательно повариться в ней, завести настоящих друзей. Хотя были у меня и друзья среди японцев вне клуба, часто возникало ощущение, что они хотят скрыть от посторонней специфику своих взаимоотношений, которые были не такими, как отношения между ними и мной. В *букацу* же эти «межяпонские» отношения перестали быть для меня загадкой, предстали буквально в обнаженном виде, со всеми плюсами и минусами, и я, не боюсь утверждать, избавилась от роли «гостьи», наблюдающей за ними со стороны, превратилась в их активную участницу.

Во-вторых, *букацу* подарил мне *айкидо* — увлечение на всю жизнь. Продолжая заниматься этим великолепным видом спорта, точнее, искусством, я прошла несколько аттестаций, получила второй дан и диплом профессионального тренера. *Айкидо* вторглось и в сферу моих научных интересов. Моя магистерская диссертация на филологическом факультете университета Кэйо была посвящена теме воинских искусств в японской поэзии.

Университет Токай, как и другие, имеет свой гимн, воспевающий его достоинства, воздающий хвалу его основателю, возносящий молитвы о его дальнейшем процветании. Сразу по поступлении первокурсники получают в подарок аудиокассету и текст гимна и выучивают его наизусть. Он исполняется на различных официальных собраниях. Нужно подчеркнуть, что поют его во весь голос, с удовольствием, а не мычат, отбывая неприятную повинность. Это лишний раз доказывает, что для студентов университет — предмет гордости, родной дом до конца жизни. Для меня таким домом и таким предметом остается еще и *букацу*.

рону и лишь слегка подтолкнуть противника в направлении, на котором сконцентрирована его сила. Это и будет прием *айкидо*.

Для успешного освоения *айкидо* надо знать законы сосредоточения сил, круговых движений, надо управлять своим дыханием и внутренней энергией, надо, чтобы приемы как бы шли из твоего нутра, чтобы они были отточены на уровне бессознательного.

Последнему на тренировках уделялось больше всего внимания. Сначала нужно было запомнить форму приема, потом отшлифовать каждую деталь, каждый шаг, каждый угол поворота, каждое движение руки, каждый разворот корпуса. Разные люди по-разному усваивают приемы, и даже у одного и того же человека их формы меняются до тех пор, пока он бессознательно не выберет наиболее приемлемую для себя. Да и сам прием вживается в тебя, приспособливается к тебе по-разному. Поэтому у разных людей и *айкидо* получается разное, и вообще-то невозможно сказать, кто подошел ближе к идеалу.

Поиск оптимальной формы приема — задача не из легких, и почти каждый проходит такой этап, когда кажется, что ты никогда не осилишь *айкидо*.

На тренировках изучают ограниченное число приемов, чтобы за четыре года они запомнились по-настоящему. Каждый прием отрабатывается подолгу, уделяется внимание любой мелочи. При этом речь идет только о базовых приемах, без которых нельзя правильно выполнять более сложные, состоящие из отдельных частей базовых.

Сихан-сэнсэй обычно объяснял несколько способов одного и того же приема, и затем все они отрабатывались. Между прочим, он находится в постоянном поиске наиболее приемлемых форм и даже за то небольшое время, что я была в клубе, изменил несколько приемов и дал нам команду переучиваться.

Регулярными тренировками руководит по большей части *сюсё*. Приемами овладевают в схватках носители белых и черных поясов. Первые в основном учатся, вторые объясняют, и те и другие совершенствуют мастерство. Кроме регулярных тренировок трижды в год организуются специальные *маваси гэйко*. Это суровое испытание для второкурсников. Их учат падать таким образом, чтобы минимизировать последствия совершенного противником броска (*тоби укэми*). Летний вариант *маваси гэйко* рассчитан всего на двадцать минут для девушек и на тридцать минут для юношей. Но при температуре более 30 градусов и при влажности 95%, когда и вдох-то вырастает в целую проблему, выдержать ее непросто. Зимний вариант более продолжителен (полтора часа для юношей и 45 минут для девушек) и крайне тяжел.

...Звучит удар барабана — сигнал к началу первой тренировки, — и *кохаи* выбирают себе сал*ляе<?-партнеров. Последние в быстром темпе совершают броски, так что минут через пять голова перестает отдавать команды телу и начинаешь действовать бессознательно. Именно такова сверхзадача *маваси гэйко* — чтобы тело, именно тело, само научилось принимать оборонительные позиции и правильно приземляться в любом состоянии.

В то время как *кохаи* по собственной воле подвергаются такой экзекуции, болельщики-первокурсники сидят вдоль стен зала и вопят: «*Файто!*» (от английского «Fight!» — «Сражайся!»). Это тоже занятие не из легких — в течение полутора часов во весь голос без перерыва горланить. И нередко наиболее усердные *кохаи* теряют сознание, не говоря уж о садящихся голосах.

Когда перестаете толком дышать и понимать, что происходит, когда кровь приливает к голове, крики «*файто!*» будут рефлекс, приказывающий не останавливаться. После окончания *маваси гэйко* все тело еще долго бывает покрыто синяками, но все второкурсники страшно горды тем, что все-таки сдали экзамен на стойкость.

Для определения результатов занятий несколько раз в год проводятся аттестации (*синса*), и к третьему курсу все получают черные пояса, т.е. первый дан, а к четвертому — второй дан. Поначалу нам казалось странным, что все, независимо от способностей и мастерства, успешно проходят аттестацию, но чем дольше мы занимались, тем лучше понимали правильность такого порядка, реально воплощавшего идею борьбы не за рекорды, а за духовное и физическое здоровье *всех* студентов. Каждому дана возможность пройти путь от низов к верхам, что редко удается в последующей жизни. Даже если ты не очень преуспел в технике *айкидо*, придет время, и ты вместе со всеми получишь черный пояс. И тогда твои *кохаи* будут склоняться перед тобой в поклоне, когда ты заходишь в зал для тренировок. К тебе будут подбегать и просить помочь отработать прием, с тобой будут говорить, используя изысканные формы вежливости. После тренировки тебе будут складывать спортивный костюм и т.д.

Как это ни парадоксально выглядит в глазах западного наблюдателя, уравнительная аттестация не подавляет мотивацию членов клуба, а, напротив, мобилизует их волю, вдохновляет на новые и новые достижения. Уравниловка обладателя черного пояса. Ведь в *айкидо*, как и во всех других боевых искусствах, процесс совершенствования бесконечен. Чем дольше и с чем большей самоотдачей ты занимаешься, тем искуснее становится твоя техника, тем крепче твои мышцы и тем лучше твое тело приспособляется для приемов. Могучим стимулом является желание не опозориться перед *кохаями* — право властвовать надо чем-то подкреплять.

Я, разумеется, не могу претендовать на исчерпывающее знание японского общества, полученное в результате пребывания в *букацу*, но не сомневаюсь в том, что оно принесло мне огромную пользу.

Во-первых, удалось интегрироваться в студенческую среду, основательно повариться в ней, завести настоящих друзей. Хотя были у меня и друзья среди японцев вне клуба, часто возникало ощущение, что они хотят скрыть от посторонней специфику своих взаимоотношений, которые были не такими, как отношения между ними и мной. В *букацу* же эти «межяпонские» отношения перестали быть для меня загадкой, предстали буквально в обнаженном виде, со всеми плюсами и минусами, и я, не боюсь утверждать, избавилась от роли «гостьи», наблюдающей за ними со стороны, превратилась в их активную участницу.

Во-вторых, *букацу* подарил мне *айкидо* — увлечение на всю жизнь. Продолжая заниматься этим великолепным видом спорта, точнее, искусством, я прошла несколько аттестаций, получила второй дан и диплом профессионального тренера. *Айкидо* вторглось и в сферу моих научных интересов. Моя магистерская диссертация на филологическом факультете университета Кэйо была посвящена теме воинских искусств в японской поэзии.

Университет Токай, как и другие, имеет свой гимн, воспевающий его достоинства, воздающий хвалу его основателю, возносящий молитвы о его дальнейшем процветании. Сразу по поступлении первокурсники получают в подарок аудиокассету и текст гимна и выучивают его наизусть. Он исполняется на различных официальных собраниях. Нужно подчеркнуть, что поют его во весь голос, с удовольствием, а не мычат, отбывая неприятную повинность. Это лишний раз доказывает, что для студентов университет — предмет гордости, родной дом до конца жизни. Для меня таким домом и таким предметом остается еще и *букацу*.